

АПРЕЛЬ

1 апреля 1923 г. Харбин.

Письмо П.А. Чистякова к Рериху Н.К.

Харбин, 1 апреля 1923

Дорогой Николай Константинович, Много раз я собирался написать Вам и сообщить обо всём, что со мной произошло за последний год, и всякий раз не находил в себе достаточной бодрости для этого: слишком уныла жизнь и постоянная тоска в душе...

Теперь скажу Вам вкратце о себе. Вернувшись из Америки, я положительно не узнал своего «родного» Харбина. За время семимесячного пребывания моего в Америке, в Харбине произошли три основных перемены:

1. В составе населения Харбина явное преобладание и по численности, и, главное, по стремлению руководить общественной жизнью Харбина и создавать ему как можно скорее физиономию чисто китайского города получили русские беженцы, второпях проглядевшие значение Харбина для будущей (настоящей) России и, в погоне за временным убежищем от большевиков, бросившимися в цепкие объятия китайцев. Если припомните, одной из причин основных расхождений моих с администрацией дороги, командировавшей меня без определённых официальных инструкций в Америку, явился именно вопрос о том, кого нам, при нашем бессилии, держаться: Китая, условного участника нашего в предприятии, или консорциума иностранных держав. В то время, когда я с большим трудом старался убедить Бахметьева¹ и Угета², что без Стивенса нас моментально проглотят китайцы и что наше опасение лежит в организации международной опеки над дорогой (идею которой горячо поддерживал и Стивенс), в Харбине русские администраторы дороги устраивали уличные китайские демонстрации протеста против вмешательства в дела дороги Междусоюзного Технического Комитета, возглавляемого Стивенсом, а в Вашингтон летели Бахметьеву телеграммы — «лучше с китайцами, чем со Стивенсом».

2. Экономический кризис поразил Харбин как-то внезапно и крайне болезненно отразился на всех сторонах жизни недальновидных харбинцев. Лопались и закрывались одно за другим самые солидные, казалось бы, предприятия (по газетной статистике во вторую половину 1921 и первую половину 1922 года в одном Харбине закрылось до тысячи различных торговых и промышленных предприятий). Неожиданно оказались без куска хлеба масса служащих и рабочих прогоревших предприятий, а наряду с этим из советского рая всякими правдами и неправдами просачивались в Харбин всё новые и новые потоки беженцев. Нищета и голод породили ряд пороков и преступлений, не виданных до того времени в сытом Харбине. Полицейская хроника запестрела русскими фамилиями. С горьким чувством стыда и обиды приходилось наблюдать за теми мерами, какие китайская полиция Харбина (русская администрация дороги из приезжих с лёгким сердцем отказалась в пользу китайцев от договорного права «исключительного и абсолютного» по «администрированию полосы отчуждения дороги») начала принимать против выведенных голодом и отчаянием на преступление русских граждан. Все мы живём теперь в Маньчжурии по китайским паспортам, подчиняемся китайским законам и должны быть всегда готовы к тому, что китайцы начнут тем или иным способом освобождать свою территорию от излишнего русского населения.

3. Ускоренная «китаизация» Харбина при условиях, о которых я уже упомянул, проходила без всякой помехи со стороны русской администрации дороги, находившей, что такая китаизация представляет наиболее надёжную охрану дороги от поползновений красной России.

В первые же дни по возвращении моём в Харбин я должен был наблюдать, как одетые в ватные кофты несуразные полисмены-китайцы винтовочными прикладами

приучали русских извозчиков держаться левой стороны улиц, потому что новому китайскому полицеймейстеру вздумалось, вопреки укоренившемуся обычаю, развесить на столбах грубо остроганные дощечки с надписью: «всем ходить по левой стороне». Вслед за тем появилось «обязательное постановление» китайцев о том, чтобы все русские предприятия Харбина под угрозой штрафа обзавелись китайскими вывесками.

Ещё раньше того, над зданиями Правления и Управления дороги взвился никому неведомый, специально выдуманный флаг, представляющий в верхней своей диагонали пять цветных полосок китайского национального флага, а в нижней - старый русский трёхцветный флаг, испещрённый, однако, крупными инициалами дороги. Флаг создан специально для того, чтобы подчеркнуть, что КВЖД отныне является китайско-русским предприятием. С таких, по-видимому, мелочей, касавшихся внешнего облика города, устремились китайцы восстанавливать свой суверенитет, поправлявшийся безнаказанно во всём согласно с договорами старым русским правительством.

Разумеется, китаизация не ограничилась внешностью Харбина. В середине прошлого года китайцы, несмотря на протесты местного консульского корпуса, подняли свой флаг над городским самоуправлением. В Управление дороги посадили во все службы и отделы помощников начальников служб из китайцев, со штатом переводчиков и секретарей при каждом. В области судопроизводства также наспех уничтожали всякие остатки русского влияния, русских обычаев, русского языка.

Нам бросалось в глаза в особенности то странное явление, что местные исполнители предначертаний китайской власти в большинстве случаев по собственной инициативе переходили границы этих предначертаний в борьбе с русским влиянием. Так, довольно продолжительный период русские адвокаты лишены были права выступать на судах в защиту русских подданных: нужно было обращаться обязательно к китайским поверенным. Последних в Харбине до того времени не было почти вовсе, так как в полосе дороги действовали смешанные русско-китайские суды, где обычно даже с китайской стороны выступали русские поверенные. Спешно приглашены были Китайские адвокаты из... южных провинций Китая, ибо первый председатель судебной палаты в Харбине оказался южанином. Вскоре выяснилось, что приезжие китайцы-адвокаты получили монопольное право выступать в судах, так как судьи-южане не совсем хорошо понимали северное наречие китайского языка. При таких условиях русскому населению не оставалось ничего иного, как платить бешеный гонорар адвокатам-монополистам, либо отказываться от всякой перспективы иметь защиту своих прав в китайском суде. В конце концов, выяснилась вся подоплёка этой истории, председатель был с конфузом удалён, а пекинское министерство юстиции поспешило разъяснить, что русские адвокаты лишены права выступать в китайском суде по делам лишь иностранцев, по делам же русских подданных им и не возбранялось выступать. (Нужно отметить, что «иностранцы», даже самые захудалые, имеют защиту у своих консулов и никогда в китайский суд не обращаются.) Преемником неудачного председателя палаты был назначен бывший китайский консул во Владивостоке, уличённый в своё время в самом беззастенчивом взяточничестве. На днях его внезапно сменили, и я подозреваю, что здесь тоже не обошлось без конфуза для китайского правосудия.

На дороге я застал тоже огромные перемены. Вся энергия новой администрации оказалась направленной исключительно к внешней, казовой стороне дела. Взамен капитального ремонта сооружений стала практиковаться штукатурка и покраска гнилых зданий. Беспозволенно истрачены были большие суммы денег на приведение в весёлый вид фасадов наших квартир, в которых зачастую оказывались дырявые полы и развалившиеся печи. Со сказочной роскошью отделялись вагоны и целые поезда-люкс для проездов знатных иностранцев, открывались на пустых до того времени станциях целые курорты, на которых публика бывала только в дни их открытия.

А в это же время у кассы дороги кончали жизнь самоубийством её старые пенсионеры, которым месяцами задерживали по недостатку средств выплату их крохотных пенсий. К отчётному собранию акционеров изговлялся очень хитро составленный баланс, в котором указывалось, что дорога получила в прошлом году свыше пяти миллионов прибыли, а служащие дороги за весь отчётный год, кажется, ни разу не получили жалованья своевременно.

Попытки прессы указать на дефекты нового управления дорогой кончились позорно: прессу умело закупили, а на случай её восстания заручились содействием китайской полиции, которая, впервые в истории Китая, стала закрывать неугодные русские издания. Не к чести, впрочем, русской прессы нужно отметить, что всякого харбинского газетного работника всегда можно либо напугать высылкой в Совроссию, либо купить за не особенно дорогую плату. Мизерный газетный заработок в Харбине, где за год расплодилось до дюжины новых газет, не даёт работникам пера особого мужества, и судить их, пожалуй, я не берусь. Во всяком случае, никогда у нас в Харбине не было такой пошлой, низкопробной, продажной прессы, как теперь. Достаточно, хотя бы, указать на то, что в прошлом году на страстной седмице одна из существующих и поныне русских газет напечатала «Гаврилиаду» Пушкина, и китайской полиции пришлось напомнить редактору, что неприлично-де в Страстную седмицу преподносить публике в виде фельетона заведомую порнографию.

Кроме перемены во внешних условиях жизни, у меня вскоре по возвращении из Америки обнаружилась чисто субъективная перемена. Поездка в Америку внезапно разомкнула тесный круг моих интересов и указала мне всю ограниченность моего жизненного опыта, всю примитивность моих стремлений. Контраст был так велик, что даже красочная Япония после Америки показалась мне маленькой грязной деревушкой, а окитаенный Харбин первое время вызывал во мне чисто физиологическое отвращение.

В мае месяце прошлого года я подал прошение об отставке и начал готовить свои многочисленные отчёты. Работа эта мною намеренно затягивается до самого последнего времени, так как время оказалось моим лучшим судьёй и защитником. Начать с того, что в моё отсутствие, как и следовало ожидать, были распространены обо мне самые невероятные сплетни, и каждая из них постепенно тает без следа. Точка зрения, которую я поддерживал в Вашингтоне, оказывается теперь единственно приемлемой, так как теперь всякому ясно, что, поставив свою карту на китайцев, мы ничего не выиграли и рискуем тем, что, в случае признания Китаем Советской власти, дорога автоматически отойдёт России, а всем не мирящимся с советским режимом придётся искать себе новое убежище. Существую я пока тем, что даёт мне скромно начатое небольшое предприятие по торговле с Германией.

Идея учреждения в Харбине на американские средства университета для русских студентов особого сочувствия здесь не встретила. Причина этого — самая прозаическая: в Харбине уже влачат своё существование зародыши высших школ — технической (так называемый Русско-Китайский Техникум), юридической (Экономико-Юридические Курсы) и медицинской (Медицинские Курсы). Во главе их стали в своё время доморощенные учёные, не имеющие никакого права преподавать в высших школах. Для наших директоров, разумеется, не было никакой выгоды пропагандировать обращение к американской помощи, ибо это означало бы одновременно и конец их учёной карьеры.

Когда я на первых порах всё же пытался пробудить интерес к идее обращения к американской помощи и приглашения из-за границы (настоящих) русских профессоров, один из «директоров», близкий к новой администрации дороги, заявил мне, что китайцы не позволят открыть на своей территории русского университета, так как это нарушало бы их суверенитет. Я понял, что это означает, и уже не пытался убеждать своего собеседника. Однако, неопределённые слухи о проекте приглашения из-за границы русских профессоров в Харбин вскоре проникли в среду самой учащейся молодёжи, и летом прошлого года в среде студенчества возникло «мятежное»

движение в пользу замены некоторых заведомо никчёмных «профессоров» настоящими учёными, выписанными из Америки или Европы. Организована была студенческая делегация к Попечителю Техникума Гондатти³ (непосредственное начальство Владимира Константиновича⁴. Тот усмотрел в просьбе молодёжи открытый бунт и раздражённо заявил им, что раз они не желают заниматься своим делом, им придётся прокатиться в Советскую Россию. Острота положения значительно теперь смягчилась, после того как Америка открыла сравнительно свободный въезд для русских студентов.

Несмотря на тяжёлые условия жизни (вернее, быть может, именно благодаря этим условиям), в русском обществе заметно развилось за последнее время стремление к мистицизму. У большинства славянских натур это стремление вылилось в очень несложную форму какого-то созерцательного фатализма, довольствующегося убеждением, что судьба каждого из них, как и судьба целого народа, заранее предначертана каким-то роком, бороться с которым бесполезно. Единственная отрада таких людей - попытки отогнуть хоть краешек покрывала, отделяющего их от будущего. Никогда ещё не было в Харбине такого количества различных гадалок, хиромантов, астрологов и просто шарлатанов, как в настоящее время. На днях я был поражён до крайности, узнав случайно, что болезненная жажда знать будущее охватила не одно только бесприютное русское население, но и массы благополучных китайцев. Интересно при этом то, что наша славянская душа не прочь при всём своём фатализме схитрить и с судьбой. Редкому из русских (за исключением натур явно неуравновешенных) придёт на ум, выслушав какое-нибудь печальное предсказание, упреждать события и класть голову на рельсы. Иначе относятся к предсказаниям своей судьбы китайцы. Один из хороших моих знакомых, солидный купец-китаец на днях заявил мне о том, что он временно прекращает своё дело и уезжает на два года на родину, так как какая-то китаянка-предсказательница, уже не один раз предрекавшая ему вполне точно его будущее, открыла ему, что до сорокалетнего возраста он будет работать для других и что настоящий деловой успех ожидает его только на сорок первом году. Так как купцу теперь только тридцать восемь лет, он добровольно и безропотно решил устраниваться на два года от деловой жизни!

На фоне этого чисто обывательского мистицизма выступают, впрочем, нередко и более глубокие попытки найти истину. Вы, вероятно, уже знаете о возникновении на Дальнем Востоке целой сети отделений Теософического общества. Владивостокское Теософическое общество издавало в 1921-1922 гг. довольно хороший журнал «Новые Мысли, Новые Пути». Самостоятельных статей в этом журнале было, правда, весьма немного, зато давались в приличных переводах труды Безант, Ледбитера, Штейнера, Шюрэ и т.п. Даже маленькая русская колония в Ханькоу обзавелась собственным теософским журналом, в котором самостоятельных вещей я совсем уж не видел. Летом прошлого года появилось Теософическое общество и у нас в Харбине. За недостатком руководителей особого успеха оно не имеет, хотя на собрания публики является необыкновенно охотно. На собраниях читают обыкновенно кого-нибудь из «классиков» теософической литературы и затем происходят дискуссии по поводу прочитанного. По своему замкнутому характеру я вообще враг многочленных обществ и на собрания местного теософического общества меня совсем не тянет.

С осени прошлого года я принялся изучать «Тайную Науку» Блаватской. Временами чтение этой книги доставляло мне истинное наслаждение и заставляло забывать неприглядную действительность. Спасибо большое Елене Ивановне, что посоветовала мне в Нью-Йорке достать эту книгу.

Значение труда Е.П. Блаватской стало мне в особенности понятно после прочтения небольшой книжки Гольденберга «Антропософское движение и его пророк» (Русское Универсальное Издательство в Берлине). Книжка Гольденберга посвящена Штейнеру, главе антропософского движения в Европе, и содержит краткий обзор характеризующих новое направление доктрин. Читая книжку Гольденберга, я часто

вспоминал слова Ильи Эммануиловича⁵, что вся современная теософическая литература является пережевыванием и развитием в другой форме сказанного Блаватской.

Кажется, в ноябре месяце, ко мне зашёл случайно поговорить о Германии один немец-архитектор, очень милый любознательный скромный человек. Разговор коснулся современных настроений в Германии. Я спросил его о Штейнере, о немецкой мистике, немецких франкмасонах. Узнав из разговора со мной, что я серьёзно интересуюсь подобного рода вопросами, он обещал познакомить меня с весьма осведомлённым в этой области человеком.

Через несколько дней ко мне зашёл нервный субъект, оказавшийся полковником русской службы, проведшим два года в германском плену. Разговорились. Отношение моего собеседника и к Блаватской, и к Штейнеру показалось мне каким-то крайне неопределённым, хотя и не оппозиционным. В конце беседы полковник соznался, что он состоит в тайном обществе, совершенно отличном от теософического или антропософического, имени которого он, к сожалению, не имеет права мне сообщать, но которое тесно связано с именем великого учителя Мориа, существование которого, как он понял, прочно вошло в мой символ веры.

Общество это возникло в Харбине совсем недавно и насчитывает пока не больше десятка членов. Во главе стоит один голландец, недавно прибывший из Америки, но сам руководитель общества ещё состоит в очень невысокой степени и продолжает учиться, получая инструкции из Америки. Гораздо выше его по положению в обществе стоит один немец, беженец из Уфы. Он обладает какими-то необыкновенными способностями, лечит магнетизмом больных, безошибочно определяет характер человека и его прошлое и настоящее по одному ему известным и понятным признакам и т.д. Официальное название этого общества (филоматическое) не определило мне его сущности и давало намёк лишь на то, что центр тяжести работ его членов будет лежать не в самовоспитании (как у йогов и отчасти у теософов), а в расширении знания, которое само есть могучая сила, перевоплощающая человека.

Такой путь к истине показался мне более надёжным и, главное, более коротким, чем путь перевоспитания. Я решил, в конце концов, вступить в число членов филоматического общества. Этому вступлению должны были предшествовать некоторые формальности, в том числе подача письменного заявления, в котором нужно было ответить на ряд вопросов, касающихся внутренних чаяний и настроений вступающего.

Я написал, что даю обещание с уважением относиться к тому, что узнаю в обществе, но оставляю за собой безусловное право отойти от общества, если оно не даст мне того, что я от него ожидаю, или если я приду к убеждению, что путь, каким общество ведёт к истине своих членов, излишне длинен. С такими оговорками меня всё же допустили к вступлению в общество и предложили проделать довольно сложный ритуал «вступления», состоящий из трёх различных церемоний, производимых наедине.

Должен оговориться, что все эти подробности о внутренней жизни и организации о-ва составляют тайну для «непосвящённых», и я дал слово соблюдать эту тайну от лиц, старающихся узнать её из простого любопытства. Я не сомневаюсь, что остаюсь лояльным членом общества, сообщая Вам, Посланнику Великого Мастера, то, что люди прикрывают Его именем. Дело в том, что, как Вы изволите сами убедиться из прилагаемой фотографической копии журнальной статьи о Мастере М., филоматическое общество или Орден Розенкрейцеров считает своим Верховным Мастером именно М.

Ритуал посвящения остался для меня совершенно непонятен и, так как я был всё время настроен очень скептически по отношению ко всему, что идёт из Америки, мне показалось, что он заимствован из церемониала посвящения в масонскую ложу. Никаких видений или таинственных явлений во время этих церемониалов я не заметил, хотя, судя по тексту церемониалов, я должен был видеть что-то в зеркале, заметить какие-то особенные вспышки огня в курящемся ладане и слышать какие-то ме-

лодии в закрытой отовсюду комнате. О своей неудовлетворённости всем испытанным в течение церемониала я откровенно поведал своему руководителю, который успокоил меня тем, что многие из вступающих тоже не замечают никаких таинственных явлений в продолжение первых ритуалов и что это отнюдь не может служить для меня препятствием к вступлению в орден. Ритуал вступления совершён был в специальном помещении, где-то в подземном помещении, наскоро превращённом в «храм» ордена. Произносились вслух обеты ордена, вполне приемлемые для каждого мыслящего человека, имена наши занесены были в книгу ордена и т.п. Вслед за этим нам предложено было в определённый день недели являться в «храм» и слушать здесь лекции, постепенно раскрывающие пред нами высшую мудрость.

Впечатление от первых же лекций у меня осталось неважное: очевидно, казалось мне, нас либо испытывают, прежде чем дать нам что-то новое и значительное, либо наши руководители должны делать вид, что они что-то знают, и маскировать всячески своё неведение. Наши попытки задавать после лекции вопросы по поводу прочитанного успехом не увенчались: чувствовалось, что руководители наши брели, как и мы, ощупью, и наши вопросы их могли бы поставить в неудобное положение. В самом деле, им ничего не оставалось, как успокаивать нас ссылкой на то, что все наши теперешние недоумения сами собой разрешатся в последующих лекциях.

А до этого времени нам предлагалось усваивать в крайне тяжёлом изложении (английский оригинал лекций был в Харбине переведён на немецкий, а немецкий перевод — на русский язык) туманные истины из теории чисел и символики розенкрейцеров. На протяжении нескольких недель я не нашёл в лекциях для себя ничего нового. По теории чисел ещё более интересные данные можно найти в истории пифагорейской школы, а научное объяснение этим числовым фокусам - в курсе теоретической арифметики Бертрана или Таннери (Жюль Т., брат Поля Т., автора выдающихся трудов по истории и философии математики, в том числе и истории пифагорейской школы).

Серьёзная болезнь жены в феврале месяце надолго отвлекла меня от посещения лекций в нашем кружке, и сейчас я стою на распутье: притворяться ли мне и далее верующим в то, что в недрах ордена я приобрету необыкновенно глубокие знания, или искать этих знаний в ином месте. Я говорю — «притворяться», так как пока не видел никаких ясных признаков существования в ордене таких знаний. В Вашей семье в Нью-Йорке я наблюдал, как эти высшие знания преобразили Вашу жизнь, сделали её чистой, ясной, спокойной. Это обстоятельство и кажется для меня самым большим чудом, о котором я до сих пор слышал. Крайним соблазном для меня было лишь то, что путь общения с существами высшего порядка приводил к необходимости посредников-медиумов. Для нас, здоровых представителей своего цикла, медиумизм кажется явлением патологическим и неприемлемым при разрешении важнейших проблем человеческого бытия.

Как жаль, что нельзя сейчас попросить у Вас и многоуважаемой Елены Ивановны совета и указания: куда идти и что делать?

Я далеко не один нуждаюсь в Вашей мудрости. Владимир Константинович, несомненно, искренно ищет правильного пути к истине. Есть также ряд других лиц, привыкших к внутренней работе и жаждущих новых путей для этой работы. Есть законоучитель Коммерческих училищ, молодой священник - энтузиаст, уверовавший в моих слов в реальность существования Мастера и почувствовавший, что его сан отнюдь не препятствует ему искать с Ним общения. Он прекрасный искренний человек и пользуется среди нашей молодёжи и родителей заслуженной любовью и уважением.

Есть у нас ещё два доктора, оба хирурги с большим стажем. На человека привыкли смотреть свысока - как на мешок, набитый мясом и костями. У одного из них умерла по дороге из Советской России жена, у другого на днях умерла любимая дочь. Личное горе заставило их пересмотреть старый взгляд на человека, а жажда утеше-

ния побудила их заинтересоваться миром потусторонним. Оба доктора искренно тянутся теперь к мистицизму.

Есть великолепный материал и среди окружающей нас молодежи. Нет руководителя. Помогите нам своими указаниями. Не требуйте только на первых порах фанатичной веры. Аскетизм йогов в нашей среде тоже трудно привить. Дайте нам хоть крупицу чистого знания, не меркнувшего ни пред каким испытанием! У меня и моего друга - священника ум развращён философскими доктринами, и выбить из нас склонность к сомнению и анализу трудно; у Владимира Константиновича, обоих докторов, да и у учащейся молодёжи привычка к позитивным методам исследования каждого вопроса.

Во всяком случае, не оставьте нас своим руководством. Особенно хотелось бы нам знать, правильно ли мы поступаем, уклоняясь от активного участия в ордене Розенкрейцеров? Быть может, первые уроки - испытание нашего терпения и нашей настойчивости?

Желаю Вам от души всякого успеха во всех Ваших делах. Искренно преданный Вам.

П. Чистяков.

P.S. Владимир Константинович вчера, 15 апреля, уехал на линию по делам. Сообщил о Вашем письме, которое подняло наш дух. Спасибо за память! Отдельной бандеролью отправляю Вам книжку Гольденберга о Штейнере. П.Ч.

Публикуется по изданию: Вестник Ариаварты. 2005. № 1-2

1 апреля 1923 г. Париж.

Письмо Ю.Н. Рериха к родителям.

270, rue de Vaugirard / Paris. XV
1-го Апр. 1923.

Дорогие Папа и Мама!

Давно от Вас не было писем. Так мало пишете, совершенно не знаю, каковы Ваши планы на лето. Знать мне необходимо, ввиду работы.

На днях со мной произошёл замечательный случай. Лёг спать в очень странном настроении, и, пролежав около получаса, вдруг вскочил, почувствовав необходимость писать автомат[ически]. Писал очень бурно, и кончил весь покрытый холодным потом:

Ученик учуй руку водящую, в минуты стенания, да устремится твой дух к Моему начертанию. Данные дары лежат у нас двоих, но вкусишь их только в назначенный час. Замкнутый в своей твердыне оставайся на страже, и ключи дай только тем, кто знаком Моим украсит свой путь. Ручаюсь, благое решение пребудет.

Я дал, Я заповедал, Я избрал.

Я. Я. Я.

ММ.

Потом был дан рисунок: горы и чаша с пламенем над ними, в углу надпись неизвестными письменами.

В очень усталом и потрясённом настроении я лёг спать, и вдруг слышу, как на моём ночном столике пишет по бумаге карандаш (бумаги на этом столе не было). Продолжалось это довольно долго, но ничего не было видно. Было всё это так неожиданно. Конечно, надеюсь, что благое решение будет найдено,

ибо доставлять Вам боль я не собираюсь, и верю, что Вы не раните меня, жду Вашего приезда.

Новость из «Herald`а» не распространяется, и беспокоиться из-за этого не следует.

На многие вопросы, которые я Вам поставил, Вы ещё не ответили, и я не знаю, получаете ли вы мои письма. Пишите больше о ваших планах, ведь у меня есть свои планы и так не хотелось бы, чтобы вышло столкновение в наших планах.

Вчитываюсь в Ваши письма, но, к сожалению, ничего не нахожу в них относительно планов.

Создаётся у меня впечатление, что Вы от меня что-то скрываете. Это так отделяет человека и ставит преграду той откровенности, которая должна была бы существовать меж нами. Зачем так всё держать в тайне?

Не во имя себя молю, но во имя общей работы нашей. Поймите. *Нужно же мне знать путь четверых, а как слепой я следовать не умею.*

Мечтаю о Вашей встрече с Марою. Надеюсь, Вы её полюбите.

Исполните ли мои поручения? Неужели мои дела Вас так мало интересуют?

Крепко Вас целую,

Ю. Рерих.

Приехал сюда Teigen. Сообщите это Свете. Знает ли Света мои обстоятельства? Жду писем. Мара шлёт привет, сейчас она читает «Книгу» Учителя.

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке

4 апреля 1923 г. Нью-Йорк.

Письмо Е.И. Рерих к Рериху Ю.Н.

4-е Апр.

Юхан, родной, в последнем письме от 19-го Марта, ты пишешь, что в письма вкралась какая-то неискренность – может быть, в твои, но наши этим не грешат.

То, что по обстоятельствам можно тебе знать, сообщается. То другое, насколько будет разрешено, сообщим по приезде.

Пойми, что имеется в виду лишь твоё благо. Мы не слепые, не глухие и знаем куда идём, к чему назначены, осознай же это, наконец!!! И если твой неистовый дух временно окутан туманом и даже поддаётся влиянию низших воздействий, я не боюсь этого, ибо знаю, что выйдешь победителем. Может быть, это произойдёт немного позднее, нежели я надеюсь, но тем сильнее будет возмущение духа и горе тем препятствиям, которые будут на его пути!

Пойми будущую силу твою и не заглуши чудесные ростки духа иллюзиями настоящего!

Жизнь, как мы понимаем, лишь в стремлении к расширению сознания, в захвате мирового масштаба, и, принимая это измерение, ты не ошибёшься в своих действиях. Будь завоевателем, а не завоёванным!

Позднее пробуждение духа вызовет лишние страдания, ибо воистину ужасно сознание упущенных возможностей восхождения! То, что упущено, потеряно навсегда.

Сейчас будущее нам открыто и тебе может быть дано.....но запомни – лишь с нами, но с нами *не как с личностями*, а как исполнителями Воли Вел. Братства. Брось все мысли умалаяющие тебя, не ставь себе ограничений, не стремись по обычной дороге. Твоё устремление должно быть сейчас к знанию, и приложения этого знания там, где тебе укажут.

Помни сокровища ожидающие! Они всё близятся, и неужели вижу минуту, когда тебе нужно будет сделать лишь последнее усилие, ты ослабнешь и дашь сокрушиться твоему достижению!

В эти дни чудес, неужели мы не увидим тебя в наших рядах?! Видишь ли ты скорбь нашу, видя другого на твоём месте. И позднее, глядя на твоё отчаяние!

Родной мой, любимый сын, почувствуй боль души нашей. Знаем, как тебе трудно – борьба с самолюбием и предрассудками, рождёнными им, одна из тяжелейших. Но подымись, шире осмотришь, сбрось все предрассудки. *Не продай себя предрассудку!* – Я вижу тебя окутанным густым туманом, а иногда вырастает перед тобою стена! Где же лучи подвига? Вспомни, Юрик мой, как я гордилась проявлением мужества у тебя. Употребь это мужество сейчас, сумей распознать, ещё раз повторяю, не дай *предрассудку самолюбия* восторжествовать.

Помни, что стоит за нами!!!! Мы идём победителями, никакие препятствия битвы, а они есть и будут, не страшат нас, мы идём неуклонно к назначенному.

Ты слеп или спишь, если не видишь то чудесное, что совершается вокруг нас. Проснись Юрий, ведь дух твой близок мне, и борения твои знакомы мне и потому могу говорить.

Не оттолкни, не оттолкни – границ не будет твоему отчаянию. Дух твой может быть затемнён временно, но жизнь наша своим доказательством ударит не только твой лоб!

В то время как перед нами мировая карта с начертанным планом, сын наш выбирает себе нору! Что будет с твоей норой, когда заговорят стихии?!

Перечти «Книгу» и поразмысли. Идя с нами, защита тебе готова.

Третий раз хочется сказать тебе – не заглуши дух *предрассудками самолюбия!* Будь свободным! Осознать свои ошибки есть начало восхождения. Суметь найти лучшее решение есть одоление ступеней!

Итак, прислушайся к зову нашему, близок он к S O S !!!

Пишу лишь о тебе, ибо у нас всё идёт по плану и в нужный момент мы все в сборе на посту. Ожидая хорошего письма, то, что нужно привезём.

– Хочу коснуться духа твоего. Неужели он не зазвучит?

Привет сердечн[ый]. Жоржу и Гавр. Григор.

Пишу следом М-ом Schklaver.

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке

5 апреля 1923 г. Нью-Йорк.
Письмо Е.И. Рерих к Рериху Ю.Н.

5 Apr.

Родной наш Юханчик, в твоём сегодняшнем письме с объяснением «Qaagigan» ты не выказал желания с нами побеседовать.

Ну, ничего, скоро увидимся! Ещё один месяц и мы в пути. Задержи нам две комнаты, одну для нас большую с двумя постелями и всеми удобствами при ней: ванн. кл...., другую, меньшую для Светки. Horch приедут на 10 дн. позднее, так что им нужно заказать две комнаты, спальню и приёмную, начиная с 25-го Мая. Если нельзя иметь ничего хорошего ниже 60 фр., oll right – мы согласны доплатить, ибо нуждаемся в отдыхе и долго не останемся.

Приедем, осмотримся и решим наше дальнейшее местопребывание. Думаю, что придётся поехать по Европе.

Где мне купить тебе брошюру Hirth`a? - в Orientalia? Статьи пристроить очень трудно, ибо все журналы завалены даровыми предложениями.

Не предпринимай ничего по «Corona Mundi», поторопились вывести в свет – Нам не нужна никакой рекламы, приедем тихо и очень тихо будем действовать.

Папины последние картины изумительны. Легенды о пришествии Миссии.

Скоро выйдет книга наша, в неё войдут последние учения, русская будет ещё обширнее, прибавим всё, что дано будет до отъезда.

Что делать с твоими книгами и записками. Можно ли их оставить на хранение в Школе или же они нужны тебе – пиши скорее – Очень значительн[ых] кажется, там нет.

Очень интересно твоё объяснение слова Qaagigan, мне кажется, что оно имеет отношение к местности озера Лоб-кора. Слово это, много раз повторенное, я услышала после одного видения. Кроме того, озеро Лоб-кор значитя у нас.....

Во время видения я сама произносила речь на неизвестном мне языке. Я ведь всё вижу в будущее. Сейчас получили твоё письмо от 22-го.

Едем мы на «Mauretania» Cunard line – выезжаем 8-го Мая – надеемся быть 24-го в Cherbourg`e.

Деньги высланы заказным письмом – чек на французский банк.

План первого года Индии тебе послан.

Ты же знаешь, что мы едем на джипе, Индия, Тибет, Китай, Монголия, Сибирь.

Передай привет нашим друзьям Шкляверам.

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.

7 апреля 1923
Автоматическое письмо Н. Рериха.

Вот они придут и скажут: мы знаем. Вы ответите: добро, если знаете, возвратитесь в дом свой.

Вот они придут ещё пронзительнее и скажут: мы знаем, кто стоит за вами. Скажите им: добро, если знаете, то не будете так говорить.

Вот они придут играть в кости на ступенях храма и будут бросать жребий о вас. Скажите: проходите, люди, иначе вас убьёт гром здесь.

Но вот придёт он и скажет вам: не знаю я, и вот всё моё добро со мною, куда обратить его? И скажите ему: войди через порог, мы найдём тебе место за длинным столом. Ибо если не знаешь, то будешь знать.

Потому и говорю: утомляйте Меня, нагружайте Меня всеми тягостями мира. Не утомлюся, не отойду в утомлении, ибо не знаю, что есть утомление. Изгоняю это.

И прошу вас, утомляйте Меня, иначе не дойти в сад прекрасный.

Я сказал.

Публикуется по изданию: Записи Учения Живой Этики. Т. 4. М. 2009

10 апреля 1923 г. Нью-Йорк

Письмо Е.И. Рерих к Рериху Ю.Н.

10-ое Апр.

Родной мой Юханчик, поставленные тобою вопросы – едем ли мы искать Учителя? или же едем туристами? – Изумили нас, больше того – ошеломили.

Мы знаем, где встретим, мы знаем, что надлежит исполнить, посему эти вопросы неуместны.

Думается мне, что так скоро увидимся, что ты не упустишь время для подготовки пути. Помни, что мы выедем лишь в ноябре, а пока запасайся знаниями и практическими сведениями о странах нашего устремления. Чем больше захватишь, тем лучше для *тебя*⁶. Распределение же времени и деятельности в Европе, выяснится на месте.

Итак, потерпи ещё немного. В Служении терпение одно из первых правил. Какая радость заключена в победе над собою! Если бы люди могли осознать это! И победа эта не в уничтожении, а в расширении своего истинного Я.

Любимый мой мальчик, столь близкий духу моему, чую я, что что-то препятствует тебе видеть любовь нашу к тебе и твоему славному подвигу. Если б ты мог заглянуть в *предложенное* тебе будущее.

Сколько удовлетворения твоим устремлениям!

Сколько счастья!

Милый, родной мой, умоляю, не оттолкни!

Не задержись в пути, не затрудни. Следуй Указам. Помни, что человек, допущенный до Служения, считается уже настолько *свободным*, что он может *принимать Указы*. Пойми это. Ведь ты могуч думою и лишь временно туман застилает твой взор.

Дела наши растут, и время переживаем сложное, ибо фундамент обширен, а материалы для постройки не могут быть собраны в один день. Приходится возводить времен. постройки до прибытия надлежащих.

Везде одна и та же трудность – бедность в людях. На некоторые посты нет людей в Америке, присмотрим, не найдём ли в Европе.

Папа писал Кн. Тенешевой – о нашем приезде, в виде особого доверия, но ты никому не говори. Нам нужно тихо проехать Европу.

Пиши, что сделать с книгами, можно ли их оставить на хранение у Лихтманов. Передай наш сердечный привет семье Шкляверов.

Позаботься о комнатах, говорят, что «Mauretania» самый быстроходный пароход, потому можем приехать раньше 14-го.

Обнимаем тебя, нашего любимого и просим побольше доверия.

Мама

Очень ждём твоих статей, пока их не имеем, хотя ты писал, что одна вышла 10-го Марта.

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке

12 апреля 1923 г. Нью-Йорк.

Письмо Н.К. Рериха к Рериху Ю.Н.

12 Апр. 1923.

Родной Юрик, Ты уже получил наши вести о распределении первого года в Индии. Твоё писание и яснослышание ночью только доказывает, насколько едино и точно учение Нашего Учителя. И у нас всё время идут манифестации и на глазах наших отодвигаются вредные люди. Как Миме у Вагнера, они начинают вслух твердить затаённые мысли и таким путём всё обнаруживается.

Мы решили пока Hotel Вугон. Там видно будет – кроме того, после весеннего Салона и Сезона и цены упадут.

Ещё раз попытаюсь достать Тебе Лауфера – хотелось бы Тебе привезти её.

Я уже писал, что Art и Archeologie может поместить статью страницы в 4-6. Но денег они не платят, - сами существуют взносами. Просил меня «American» присылать статьи, но ведь им надо только сенсации газетного типа. Если Тебе попадутся изображения (в красках) буддийских архатов с сияниями – недорогие – побереги их до моего приезда. Для одной цели я хотел бы их иметь.

Так же и два, три типичных, небольших Будды.

Если увидишь Тенешеву, попроси её никому не говорить о нашем приезде. Как раз 2000 шарманок (помнишь?!) и не потребовалось.

Целуем Тебя крепко – через месяц уже с Тобою.

✠

Mauretania это Cunarder

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.

14 апреля 1923 г.

Автоматическое письмо Н.К. Рериха.

И всё-таки они подойдут и скажут: вы поклоняетесь призраку.

Вы же ответите: не знаем призраков, но за нашей корпорацией стоят 77 членов, и мы знаем все наставления.

В то же время пришедший незнающим уже будет сидеть за столом и будет наполняться знанием. Всё полно знаками и приближениями. Если хотите поручить прохожему отнести весть к соседнему дому, вы скажете: друг, скажи нашим друзьям поручение. И часто после и не знаете даже этого вестника, так и в жизни – смотрите, что приносят вам, и никогда не смущайтесь видом принесшего, особенно же когда всё кругом наполнено знаками.

Воистину, счастливы вы, знающие указание приближений и сужденные сроки. А потому ждите и радуйтесь.

Публикуется по изданию: Записи Учения Живой Этики. Т. 4. М. 2009

16 апреля 1923 г. Париж
Письмо Ю.Н. Рериха к родителям.

270, rue de Vaugirard / Paris. XV
16 IV 23.

Дорогие Папа и Мама!

Получил утром два письма Мамы от 4-го с.м. Комнаты Вам задержаны на 15-ое Мая в Hotel Lord Byron за 55 fr. в день с человека, включая board².

Нужно ли мне выезжать в Cherbourg, или же встретить Вас на вокзале в Париже? Куда собираетесь летом? Мне необходимо пробыть в городе Июнь месяц.

Ящик с книгами лучше оставить в Школе. Среди записок имеются рекомендательные письма на Индию, думаю, что их лучше взять. Не знаю, что делать с моей библиотекой здесь. Если, действительно, уезжаем на 7 лет, то их следует взять, ибо нужно же будет работать, а для учёного книги необходимы, также как краски для художника.

Вы пишете о борьбе с самолюбием и предрассудками. Но не в этом моё затруднение. Последние три месяца заставили жестоко отбросить всякое самолюбие и человеческие предрассудки. Много пришлось молча проглотить и всё это послужило к полному закрытию. Нет у меня желанья делиться с кем-либо своими внутренними переживаниями. Если бы не смягчающее влияние Мары, я бы совсем затвердел. Поверьте, что очень больно было за это время, и конечно, всё это без результатов не прошло. 7 лет жизни в неизвестных условиях – это очень большой срок. Мне необходимы точные указания, чтобы определить план действий. Вы совершенно правы, когда видите меня в тумане и перед стеною. Действительно я не знаю и не имею понятия, что буду делать в течение следующих лет. Слепо следовать я не могу, ибо необходимо координировать мои личные планы с тем, что мне предлагается Вами. Но для этого нужно *точно* знать куда идём, и что ожидает нас на нашем пути.

К сожалению, назрели многие очень болезненные вопросы, которые необходимо разрешить. Только тогда, и только тогда буду я в состоянии твёрдо следовать по пути Служения. Всё это вытекает лишь из моего очень серьёзного отношения к делу. Надеюсь, что всё выяснится в Париже и «благое решение пребудет». Пока продолжаю работать, хотя и этому густой туман, меня окружающий, чрезвычайно мешает.

Статью Hirth`а можно купить в Orientalia. Она мне весьма необходима. Что можно найти в Америке из работ Laufer`а? У него много было ценных работ в изданиях «Field`s Natural Museum in Chicago». Если дорого, то покупать, конечно, не следует.

Пока есть стороны дела для меня закрытые, следовать не могу, ибо постоянно с ними сталкиваюсь, и необходимо объяснение.

Мара шлёт привет. Жорж кланяется.

Крепко целую ЮР,

Не знаю, правильно ли делаю, что пишу Вам откровенно о своих переживаниях, боюсь обеспокоить. Но правда, причин для беспокойства нет.

Милая, дорогая моя Мама, как рвусь снова с тобою встретится. Придётся много и откровенно говорить. Крепко ещё раз Вас обнимаю, ЮР.

Мара просила передать свой привет. Во всём происшедшем *я один виноват*.

Сейчас воздрогнул, от довольно печального звона колоколов по комнате. Что это значит? Меня это очень поразило. Было ясно слышно три раза, три довольно протяжных звона. Спросите разъяснений.

Жорж шлёт привет. Пришлите мне 400 fr.?

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.

17 апреля 1923 г. Нью-Йорк.

Письмо Е.И. Рерих к Рериху Ю.Н.

17 Апр.

Милый, родной мой мальчик, бесконечно рада полученному тобою Указанию. Умоляю, ради личного блага, следуй ему всем устремлением существа твоего, ибо только в нём спасение твоё.

Знак, о кот. упоминается в Указании имеется у нас.

Родной наш, любимый, как чувствуем твои мучения, но в этих страданиях закаляется дух, и даже в них мы научаемся находить радость, принося их на алтарь Служения.

Следуй и пойми, что величайшая радость заключена в возможности прийти и выполнить «закон», ибо только нашедший себя, свободный дух может принимать *Указы*. Не умаляй себя, мой любимый, не допусти призракам настоящего затемнить сущность твою. «Большая радость дарована тебе».

Помни и расширь и объедини своё сознание с Благим Начертанием.

Чудеса вокруг нас растут и все препятствия уничтожаются. Иногда становится жутко и больно за людей, оскорбивших чем-либо нас, ибо всех их настегают неудачи, тогда как оказавшим внимание приходит неожиданная помощь.

Ты спрашиваешь о наших планах на лето – всё это мы решим совместно, теперь уже недолго ждать. Не закрывай только двери возможностей, а там мы сообща выберем наилучшее.

Green Jade Laufer`a – достали и привезём, другую книгу ещё ищем. Почему не присылаешь своей статьи?

Ты всё жалуешься на отсутствие откровенности в наших письмах, но Юханчик, мой любимый, перечти их, отрешившись от личностей, и ты увидишь и поймёшь.

А затем не забудь, что у нас имеются *все твои письма*, и мы можем лишь на них базироваться в своих ответах. Кроме всего этого, неужели до сего времени ты не понимаешь, что означает уметь хранить *тайну*! Знак «Доверия» даётся лишь в *безопасности*.

Помни и пойми. Обнимаю и шлю всю любовь мою.

Скоро облегчится твой путь, мой родной! Много радости впереди, огромной работы и достижений.

Наши сердечные приветствия семье Г[аврила]. Григ[орьевича].⁸

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.

*19 апреля 1923 г. [Нью-Йорк]
Письмо Н. К. Рериха к М.В. Рерих*

19 апреля 1923.

Дорогие Мама, Лиля и А.Д. через 2 ½ недели двигаемся отсюда на Париж, а оттуда осенью на Бомбей. Полагаем пробыть в Индии года два. Адрес пока до Сентября: 270, rue de Vangirard. Paris XY France, а затем все наши адреса будут известны в нашей Школе:

Master Institute of United Arts. Riverside 310. New York Citi.

Предполагаем много ездить и работать в Индии. Там нас очень ждут и пишут, что мой приезд в Индию будет считаться расцветом индийского искусства. За эту зиму вполне установилась Школа и Corona Mundi (International Art Center) Кроме того, группа друзей решила открыть Музей моего имени в New York'e, где будет 200 моих картин.

Итак, последние 2½ года в Америке явились самыми плодотворными. Жена моя здорова. Юрик ждёт нас в Париже, где его занятия с Prof. Pelliot по Китаю и с Prof. Vasot по Тибету идут очень успешно. Кроме занятий по своим предметам он пишет статьи по искусству, печатаемые во франц. журналах.

Святослав сидит сейчас рядом в мастерской и рисует эскизы декораций к Аиде. Жена моя сидит и читает. Так мы надеялись, что Боря приедет сюда. Я ему приготовил отличное занятие и заработок, но он вдруг замолк, и мы даже не знаем, что с ним. Жаль, что он упустил такой случай. От Володи имею хорошие письма. Его настроение стало лучше. Из Питера имел письма от Белого - теперь он стоит над Школой.

Хотелось бы получить от Вас весточку – как живёте? Не знаю, дошли ли мои письма. От вас получили только приписку на расписке. Радовались, что здоровы. Теперь два условия - здоровье и труд!

Целуем Вас крепко.

Н. Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/465, 1 л.

С.Н. Рерих. Портрет Е.И. Рерих, читающей газету. 1920.

21 апреля 1923
Автоматическое письмо Н.К. Рериха.

Во имя Вечного движения, во имя Единой Силы – повторяю!
Корни дерев укрепляются в земле, ваше знание укрепляется лишь во времени.

Потому знайте срок, чтобы не схватить ранее положенного.

И ранее схваченное, и запоздалое подобны в окончании и в смысле.

Теперь прошу: охранитесь от раздражения, ибо вижу поводы мелких раздражений.

После писаний посидим тихо и посмотрим.

В молчании Единая Рука свивает купол из достижений ваших.

Три дома, ибо три видимости, и четвёртая Невидимость, да пребудет.

Да-да-да. Да-да-да.

Я сказал.

Публикуется по изданию: Записи Учения Живой Этики. Т. 4. М. 2009

23 апреля 1923 г. Нью-Йорк.
Письмо А. Зака к Рериху Н.К.

Николаю Константиновичу
Проф. Рериху
Нью-Йорк.

23 апреля 1923 г.

Дорогой Николая Константинович:

Большое Вам спасибо за присылку статьи “Pathe of Blessing” [«Пути благословения» (англ.) – ред.] Я сегодня же вечером прочитаю Вашу статью.

Я уверен, что она так же замечательна, как Ваша статья в “The American Magazine of Art”, которую я прочитал с глубоким интересом. Сходства наших мыслей об Америке меня очень поразило. Мы пришли к этим мыслям, до некоторой степени, разными путями, и в этом, конечно, подтверждение объективной ценности нашей оценки Америки и желательности её сближения с Россией ближайшего будущего.

Пользуясь случаем, посылаю Вам статью из вчерашнего Times’a. Если Вы вчера не заметили эту статью, я надеюсь, Вы найдёте её интересной.

С искренним приветом Вам и Вашим,

Ваш А. Зак

Архив Музея Рерихов, Москва.

23 апреля 1923 г. Нью-Йорк
Письмо Н.К. Рериха к Рериху Ю.Н.

23 Апреля 1923.

Родной Юрик, пишу последнее письмо. Уже идёт укладка. Ждём выставку из Рочестера – все последние дни придётся спешно её реставрировать – столько там повреждений. Вообще к отъезду обнаружилось, что у нас немало друзей в Америке и все эти обоюдные внимания берут много времени. Слава Богу, что удаётся уехать так «по-хорошему». Посылаю Тебе чек на 400 franc.

Не успеешь ли до моего приезда позвонить и узнать:

1) Сколько надо мне внести в Осенний Салон – пожизненно.

2) Сколько мне причитается за «Весну священную» - получу, когда приедем.

Книгу Лауфера достали, другую книгу ещё *Orientalia* ищет.

Статьи твои примут, но при вопросе о плате замолкают.

Сейчас здесь невероятно трудно с заработками; на Муромцеве, на Селивановой, на Дымове, на Дерюжинском видим это.

Всё происшедшее с нами – чудо поистине. И небольшие средства данные нам – это Богоданная «премия». Надеюсь, что мы сумеем оправдать высокое доверие.

В Париже долго не останемся – поедем в Италию. Ты очень ошибся, думая о целом годе в Пондишерри, - мама писала об окончании года там, т.е. о месяце зимы.

Все климатические условия предусмотрены. Здесь мы видели Мукерджи – он говорит, что сейчас Индия ждёт трёх: Эйнштейна, Р. Ролана и меня. Он поражался, слыша даже от крестьян это. Очевидно, чудесный телефон действует.

Из Парижа имел письма Б. Григорьева – пишет, что живётся очень плохо. Тоже и в Берлине. А из Рима один литератор писал, предлагая поступить в лакеи здесь, но и это не так-то легко.

Видел здесь Судейкина – произвёл на меня удручающее впечатление. Всячески надо уберечься от таких типов.

Hagberd Wright писал мне, что он посылает Тебе документы; верно Ты уже получил их. Написал ли заказное антиквару в Гельсингфорс?

О времени прибытия *Mauretania* Ты узнаешь в любом отделении Кука. Идёт она, кажется, 5¹/₂ дней, конечно, в зависимости от погоды.

Мы будем так рады обнять Тебя. Ведь всё так ясно.

Всё у нас идёт по первому классу, и когда смотришь на мучения и страдания по сторонам – даже изумляешься, как это так охранены мы. Ведь даже забывается, что мы беженцы, потерявшие всё наше материальное. Мы уже невольно начинаем равняться по местным миллионерам. И вместо жертв перед нами следующее звено ясной работы во имя любви и красоты.

Всё по тем же великим ступеням.

Привет Шкляверам и Маре.

Целуем Тебя крепко,

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке

30 апреля 1923 г. Нью-Йорк

Письмо Н.К. Рериха к Шибяеву В.А.

30 апреля 1923. N. York.

Родной Яруя, посылаю Вам первому английское издание Книги. Вы спрашиваете, как искать новых? Искать в труде, вкладывая значение Великого Служения в каждое движение работы. И новые придут! Конечно, не надо трогать старых. При полном уважении к ним надо идти новым путём. И к новому пути зовёт нас чудесный Благовест. И не задумывайтесь: откуда придут новые и молодые. Учение Любви, Красоты и Действия привлекает неожидан-

ных союзников. И как перед битвой, можно уже считать силы в разных странах. Запомните: 28 сентября 1931.

Хотел бы Вас повидать в Берлине. Можете ли Вы всё приготовить к поездке, чтобы выехать по моей телеграмме? Дело в том, что я не знаю, когда буду в Берлине - в середине июня или в конце июля. Это зависит от разных других встреч. Но перед Индией хотелось бы повидаться и дать Вам указания. Теперь пишите до июня (20-го) в Париж на адрес Юрия (270, rue de Vaugirard, Paris XV). Общая наша работа очень расширяется, и скоро в руках будут большие аппараты. Куплен дом. Утверждён план действий на несколько лет. Имею из Индии очень ободрающие вести. На Ваш приезд в Берлин у меня есть 20 долларов, сколько это на Ваши знаки - не знаю. Столько имею рассказать Вам, что в письме это сделать и думать нечего! Привет Синеви́ч.

Не надо ли ещё книг (английского издания)? Сообщите, сколько?

Держитесь крепко, ибо столько прекрасной работы впереди. Учите детей от 10 лет - они как раз подоспеют к началу действия.

Ваш духом

✠

Публикуется по: Н. К. Рерих, "Дерзайте!" Письма (1921-1925). Абакан. 2012.

Н.К. Рерих

ОБРАЩЕНИЕ РЕРИХА К ЖЕНСКИМ КЛУБАМ В НЬЮ-ЙОРКЕ.

Накануне моего отъезда на восток, скажу о моих впечатлениях от Америки и американского искусства. Чувствую, что эта привилегия принадлежит мне. Ведь двадцать три года тому назад я верил в искусство Америки и мне довелось помочь устройству первой в России выставки американского искусства. И теперь мой оптимизм вполне подтверждён.

Сперва об Америке вообще.

Часто я слышал об узком материализме Америки. Но каждый находит то, что ищет. Каждый измеряет свой мир по своей мерке. Правда, жизнь сложна, мы часто слепы и глухи к необычным возможностям окружающего.

Что есть реальность? Что такое фантазия? Люди в слепоте часто смешивают эти понятия. Как гранёный алмаз, жизнь многообразно отражает свет. Часто, где мы предполагаем один красный луч, там же близок и синий и фиолетовый. Было бы ошибочно полагать основанной тон алмаза зелёным или красным. Если мы будем смотреть на Америку с пошло-материалистичекой Уолстрит, то и вся Америка покажется низко материалистичной. Но когда захотелось заглянуть в область высокого интеллекта – я был потрясён этим зрелищем.

Если вам удастся погрузиться в жизнь той Америки, которая далека от биржи или уличной наживы, вы будете изумляться ценным открытиям. Нигде вы не найдёте столько социальных учреждений и храмов за пределами официальных религий. Это любопытное свидетельство свободных исканий. Когда вы посетите собрания всяких направлений, вы всегда найдёте их многолюдными. Это явное доказательство общественности.

Люди идут для поисков новой жизни. Концерты в многотысячных аудиториях наполнены, а выставки и музеи полны зрителями. Не для выгод идут туда люди.

Это знак искания красоты. И не нужно забывать, что время уделяется среди высшей напряжённости и головокружительной работы.

Это знаки умения обращаться со временем. Люди привлечены учениями Вивекананды, Тагора, Блаватской и других авторов международного значения. Это не из выгоды. Страна дала Эмерсона, Уот Уитмана, Эдгара По и ценит и почитает их. Страна изыскивает новые типы школ и здоровых летних детских общин.

Конечно, вы не найдёте эти знаки на Бродвее, где творчество заменено изобретательностью. Плоскость улицы не имеет ничего общего с жизнью, творимую за высокими элеваторами и закрытыми занавесями.

Тут Клод Брэгдон говорит о четвёртом измерении и показывает орган цвета. Д-р Дебей поражает вас учёным трактатом об астрологии и астрофизике. Д-р Хилле покажет вам вселенную в одной тысячной капли жидкого золота. Вы услышите учение Ведантистов и Бахаистов. Вы услышите речи о четвёртом интернационале, о союзе всемирном, о Мехесках и Атлантиде. Вы найдёте институт для фотографии физических излучений, замечательные рефлектории и биологические станции. И всё это частной инициативой. И всё это в той Америке, которой приписывают только бешенство грабительской наживы. Страна велика и молода – велики и молоды её стремления.

Тут же не забудете великих изобретателей, которые в своём размахе дошли до поэзии. Эдисон – изобретатель, есть в то же время и поэт находлений. Карнеги поэт огромных масштабов. Этот творческий нерв среди атмосферы насыщенной электричеством. «Улыбайся», написано на всех углах; это не насилие, это добрый совет жизненной энергии.

Мысль организации А Р А памятной в СССР зародилась и осуществилась, именно в Америке. Там возможна была эта доброжелательная практичность без сентиментальности. Жизненность известной части Америки даёт возможность иметь лимитированные поезда без опоздания. Та же жизненность даёт возможность пройти на заводы Форда без пылинки на сапоге. Та же жизненность даёт толпам общественность и тем устраняет многочисленность полиции.

Посмотрите взаимную добровольную помощь при всяких общественных несчастьях. «Моя хата с краю» была бы непопулярной пословицей в Америке. Но путей в Америке много и надо суметь найти их. Незнание языка, неповоротливость, предубеждённость, предрассудочность и суеверие могут закрыть самые лучшие возможности. Могут толкнуть в объятия известной части банкиров, а банкир, за немногими исключениями, есть банкир...

И откуда в Америке такое доброжелательство ко всему русскому? Посмотрите и на космичность строительного размаха. Опыт смещения национальностей в Америке дошёл до небывалого напряжения и быстроты. Ещё одна условность стёрлась. На наших глазах куётся новый социальный продукт, новая группировка позволяет рассмотреть уже новые формы строения. Этот социальный эксперимент очень замечателен среди последних эволюционных формаций. Реальность происходящего процесса позволяет различать возможности всех желательных социальных комбинаций и построения культуры.

Вы уже слышали, как различаю я истинную культуру от наносной цивилизации. Историческая необходимость мировой эволюции получает значение в нашей жизни каждого дня. Именно, не предположение, не увлечение, но историческая необходимость. В вашей стране нет иностранцев, но есть лишь сотрудники. Ваша доброжелательность, реализм, подвижность и решительность откроют вам самые трудные врата. Воздух Америки полон электричества прогресса. Храните это сокровище эволюции.

В России – а союз и сотрудничество Америки и России неизбежны – есть красивая легенда о потонувшем городе, который снова поднимется в сужденные сроки. Башни этого города уже поднимаются и становятся очевидными. Насыщенная жизнь, с глубокими корнями знания, здоровая и возвеличенная трудом будет производить и сильное искусство.

Обращаюсь к моему приезду в Америку в 1920 году. Сильно впечатлили меня художники, такие, как Роквелл Кент, Георг Беллоус, Райдер, Джон Саргент, Дэвис, Морис Стерн, Уфер, Чанлер, Слоан, Маншип, Лашез, Спайкер, Мельчерс, Прендергаст, Фризике, Кроль, Стернер, среди молодых Фаджи (отличный скульптор), Девей, Джонсон, Хокнер, Шива и другие. В театральном мире Эдмунд Джонс, Норман-бел-Геддес. Показалось разнообразие американских группировок. Среди строителей – мастер небоскрёбов Боссом и разносторонний Келли. Некоторые группы ещё носили примесь национализма, но большинство уже работает в международном сознании. Шовинизм я не почувствовал. А любовь к природным сокровищам Америки так понятна, ибо страна полна живописных красот.

Возьмите поэзию небоскрёбов. Обратитесь к скалам, гейзерам и горизонтам национальных парков. Или вспомним трагическую красоту индейских пуэбло, или мрачную ноту испанских останков...

Вы имеете около себя столько превосходных задач для творчества. Чтобы прикоснуться к подлинным источникам, удалось нам пересечь Америку. Видел красоты Калифорнии и национальных парков Новой Мексики и Аризоны. От Ниагары до Скалистых гор и до Тихого океана. И я лично мог оценить, какое будущее имеет страна за собою.

В этих странствиях я видел многих молодых художников в трудном положении. Тяжело говорить, но, именно, через испытания куётся истинный подвиг творчества. И мог я заметить, что Америка имеет много работников, преданных искусству, которые даже в тяжких трудах не сдают свои позиции. Творческие порывы в Америке растут. Творчество занимает присущее ему в культурной стране место.

Друзья, вы поберегите вашу художественную и научную молодёжь. В них ваше будущее. Место женщины в Америке велико, но велика и её ответственность за будущее.

Одно обстоятельство меня удивило в Америке. Это положение частного художественного собирательства. Можно встретить много выдающихся художников, но частных собирателей можно найти гораздо меньше. Есть покупатели предметов искусства, но пламенных знатоков собирателей встретить труднее. В некоторых городах можно заметить, что даже само различие между покупателями и собирателем неясно. Также можно встретить вредную легенду о том, что хороший вкус не позволяет иметь так много художественных предметов в частной квартире. Эта неудачная легенда в значительной мере идёт от декораторов помещений, которые предпочитают занять все плоско-

сти своими, часто трафаретными, выдумками. Но сама жизнь уже искореняет этот нелепый предрассудок.

Но всё-таки сознательных собирателей сравнительно мало. В России мы имели много преданных, сознательных собирателей, хотя и меньше покупателей. Вы знаете мою статью о русских собирателях. Я дал разные типы собирателей, разных классов и общественных положений, - тот студентов и до известных составителей идейных собраний. От бедняков до богачей, но сознательность и пламенность их была трогательна. Всё было различно в них - и возможности и положения, но одно было обще - это искание красоты, это стремление к оригинальному творчеству, хотя бы в самом стремительном фрагменте.

Это будет и в Америке. Вы имеете столько отличных учителей искусства. Вспоминаю декоративный класс в нашем институте Соединённых Искусств под руководством Роберта Эдмонда Джонса, вашего славного декоратора. Вы видите, как пламенный учитель подымает своих учеников. В моих странствованиях по Америке я встретил многочисленные группы энтузиастов. Целый ряд директоров музеев, такие как Харше, Эгерс, Лаурвик, Седж-Квинтон, Моррис Блох, Борроус, Дедлей Крафтс Ватсон, Эдгар Хюит, Курсворт и многие другие - они неустанно борются за искусство. Можно видеть как из госпиталей искусства, т.е. из музеев по всей стране, идут живительные лучи просвещения.

Стало трюизмом говорить о международном значении искусства. Но, как моление и призыв, мы должны твердить это с неутомимой настойчивостью - с необоримой убедительностью. Врач говорит:

«Прежде испытайте моё средство, а потом увидите его следствие». Найдите в прекрасном контакт с исторической эволюцией.

На щите Международного Центра Искусства в Нью-Йорке мы написали:

«Предстали перед человечеством события космического величия. Человечество уже поняло, что происходящее не случайно. Время создания культуры приблизилось. Перед нашими глазами произошла переоценка ценностей. Среди груд обесцененных денег, человечество нашло сокровище мирового значения. Ценности великого искусства и знания победоносно проходят через все бури земных потрясений. Даже «земные» люди поняли действительное значение красоты. И когда утверждаем: труд красота и действие, мы знаем, что произносим формулу международного языка. Эта формула, ныне принадлежащая музею и сцене, должна войти в жизнь каждого дня.

Знак красоты и действия открывает врата. Под знаком красоты идём радостно. Красотою и трудом побеждаем.

Красотою объединяемся. И теперь произносим эти слова не на снежных вершинах, но в суете города. И чуя путь истины, мы с улыбкой встречаем будущее».

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/523, лл. 7-10. Николай Рерих, «Алтай-Гималаи» (мысли на коне и в шатре). 1923-1926 гг. (Оттиск вступления к книге) (1927 г. Улан-Батор-Хото.)

